

Татьяна Комарова живёт в нашем городе. Много лет проработала инженером в РКК «Энергия» имени С.П. Королёва. Сейчас она на пенсии. Война застала её маленькой девочкой на Украине. Воспоминаниями о трудных годах своего детства она сегодня делится с нами в надежде, что прочитавшие поймут, от какой страшной беды спасла Великая Победа Советской армии всех мирных людей нашей страны и всего мира.

ДОСЬЕ КАЛИНИНГРАДКИ

**ТАТЬЯНА
ВЛАДИМИРОВНА
КОМАРОВА**

- Заслуженный ветеран РКК «Энергия» имени С. П. Королёва
- Около 30 лет проработала на данном предприятии в должности инженера
- Последние 6 лет была заместителем председателя профкома корпорации
- Сегодня она на заслуженном отдыхе

...Нас у мамы было три сестры – одиннадцатилетняя Галя, девятилетняя Инна и я. Мне было тогда четыре года. Наш родной город Коростень – по довоенным границам – это западный рубеж страны. И жили здесь военные, в основном лётчики, танкисты и их семьи. Наш дом находился метрах в двухстах от железнодорожного полотна, а через поле, в пределах видимости, был расположен аэродром. Утром 22 июня 1941 года железнодорожный узел и аэродром начали бомбить.

Рыдая, прибежала с работы мама. Из репродуктора на железнодорожном вокзале мы узнали о начале войны.

23 июня 1941 года нас эвакуировали. Эшелон был составлен из товарных вагонов, приспособленных для перевозки людей. Нас, детей, предвкушение путешествия в поезде, даже невзирая на мамин расстроенный вид, очень радовало! Но через двое суток мы осторожно начали спрашивать маму, когда мы вернёмся домой. В ночь с 26 на 27 июня наш состав был отведен на тупиковый путь станции Пензевичи. Рядом стоял состав с цистернами горячего. Налетели фашистские стервятники и принялись бомбить, делая заход за заходом. Первой взрывной волной (рвались цистерны с горючим) выбросило в открывшуюся дверь вагона маму с Галей. Вернуться за нами с Инной они уже не смогли. Сминая всё на своём пути, обезумевшие люди бежали прочь. В этом аду

огня, криков о помощи, молитв о спасении (на русском, украинском и еврейском языках) мы с Инной остались одни. И совсем неожиданными для нас в этом кошмаре стали слова утешения молодой еврейки: она не смогла оставить больную маму и находилась в вагоне. Ночью состав представлял собой сплошной факел, и мама не могла различить наш вагон. Почти в бессознательном состоянии вместе с другими пассажирами из нашего состава она ждала утра. За эту ночь мы сразу стали взрослыми.

На наших глазах уносили обгоревшие трупы из вагонов, увозили кричащих раненых детей и взрослых. Погибших хоронили здесь же, у кромки леса. Вагоны расцепили, переформировали, сделали новый состав, и мы поехали дальше, на восток.

Так мы ехали до конца августа, и наш состав загнали на запасной путь станции Тростянец Сумской области. Пропускались дальше только поезда с ранеными, живой силой и техникой: много лет спустя из военной литературы я узнала, что это был Харьковский котёл. Нас, беженцев, временно расквартировали по домам жителей Тростянца.

Не повезло нам и с хозяевами – эти люди были злобно настроены к советской власти. А в начале сентября хозяин с хлебом-солью уже встречал немцев, вступающих в город, а нас из дому выгнали. Наступал голод.

Город бомбили уже красные, как тогда принято было говорить. В полуразрушенном двухэтажном доме мама на первом этаже «слепила» одну комнатку, смастерила печку с лежанкой для меня. Я почти не ходила от истощения и холода. Зимней одежды у нас не было.

«**КАЗНИ ПРОВОДИЛИСЬ ПОЧТИ КАЖДЫЙ ДЕНЬ. КАЗНЁННЫЕ ВИСЕЛИ ОБЫЧНО 2–3 НЕДЕЛИ, А ТО И МЕСЯЦ... К НАШЕМУ УЖАСУ, ОКНО НАШЕЙ КОМНАТКИ ВЫХОДИЛО НА ПОМОСТ С ВИСЕЛИЦАМИ. ЗАВЕСИТЬ ЕГО БЫЛО НЕЧЕМ. И С НАСТУПЛЕНИЕМ ВЕЧЕРА МЫ ЗАСЫПАЛИ ПОД СКРИП ВИСЕЛИЦЫ И ДВИЖЕНИЕ ТЕНИ КАЗНЁННОГО НА СТЕНКЕ...**»

Сумская область – край сахарной свёклы. Часть колхозных полей осталась необработанной. Мама ходила в поля, выковыривала из мёрзлой земли свёклу и приносила домой. Мы её варили, пекли, выжимали сок. Через месяц при запахе свёклы меня уже тошнило. Другой едой были кости, оставленные бездомными собаками. Мама кости долго-долго вываривала, остужала бульон на холоде и собирала жир. Уходя в поле, иногда на весь короткий зимний день, мама оставляла нам лепёшки, бог весть из чего сделанные. Всем по одной. И однажды к нам зашёл просить милостыню ещё более несчастный опухший ребёнок. И Инна отдала ему свою лепёшку.

Наша новая жизнь на чужбине была горькой и голодной, но то, что наступило через месяц господства немцев, ни в какое сравнение с голодом не идёт!

Так получилось, что облюбованный мамой дом (где мы теперь жили) стоял в небольшом скверике, в котором фа-

шисты установили помост и виселицы. Казни проводились почти каждый день. Казнённые висели обычно 2–3 недели, а то и месяц.

К нашему ужасу, окно нашей комнатки выходило на помост с виселицами. Завесить окно было нечем. И с наступлением вечера мы засыпали под скрип виселицы и движение тени казнённого на стенке...

И всё-таки мы бы в эту зиму не выжили, если бы не добрые люди! Где-то в январе 1942 года в здании горкома партии (в его уцелевшей части) разместились чехословацкая сапёрная часть. При ней была кухня.

Повар кухни заметил молодую, в отрёпках, женщину (маме было 38 лет) с выводком почти раздетых детей. Он проникся состраданием к нам и попросил разрешения у немецкого часового на выдачу детям «кавы» по утрам. Но каждый раз, когда Инна или Галя выходили из кухни, немец снимал крышку чайника и тщательно приносивался. Конечно, повар очень рисковал: каждый раз бросая в чайник кусок еды, которая тонула в «каве»! Он что-то делал, чтобы отбить запах, и сёстры ни разу не были пойманы.

Часть, в которой служил повар, должна была передислоцироваться в Киев. Добрый человек боялся, что мы погибнем без них, и договорился с чешским руководством, что на время пути до Киева возьмёт себе разнорабочую для чистки картофеля, якобы беженку-киевлянку, которая хочет вернуться домой. О детях не было произнесено ни слова. Мама от счастья не знала, как благодарить этого удивительного человека. Таким путём мы добрались до Киева.

Но, пожалуй, лучше было погибнуть сразу, как те евреи, чем удостоиться участи русской девушки Жени Шупаликовой.

Совсем рядом с нашей улицей находился огромный фарфоровый завод, славившийся своим фарфором ещё с царских времён. Для специалистов завода был выстроен двухэтажный жилой дом. Вот в этом-то доме и проживала Женя Шупаликова – образцовый ребёнок, мечта всех наших мам. Женя, если отбросить нашу неприязнь по поводу вечного примера, была действительно удивительной для нашей пыльной босоногой улицы: тоненькая, две толстые косы цвета соломы до колен, всегда улыбка и уважительна к старшим. В 1941 году она с отличиями окончила десятый класс и готовилась к поступлению в Киевский университет. Но война помешала.

После возвращения в Коростень, оккупированный немцами, мы увидели на улице Женю Шупаликову: в грязном платье, перебирая нечестные косы, с блаженной улыбкой на лице шла она по улице и что-то шептала. Мы были потрясены! Затем соседка рассказала, что Женю изнасиловали немцы. Её маму, пытавшуюся девочку отбить у подлецов, убили. И Женя тронулась умом. Теперь она одна жила в своей квартире в полуразрушенном доме.

Женю мы теперь видели почти каждый день. Как правило, её появление предвещало стайка малышек лет 3–4, которые бежали вслед за ней и, кривляясь, дразнили «Женя-смажена». Но она без всякой реакции следовала дальше со своей блаженной улыбкой. Это было жутко.

И однажды случилась беда: по улице проезжал немецкий «опель». Женя остановила машину: даже несмотря на неухоженный вид, она была очень красивой. Офицер, улыбаясь, вышел из машины. Женя дала ему пощёчину! Немец на секунду опешил, потом с проклятиями затолкал её в машину и умчался.

Через два дня Женю повесили. И хотя к месту казни пришло много людей, объясняя палачам, что Женя – не в себе, её всё равно повесили. Единственно – её не раздели, как обычно поступали немцы в таких случаях. Женю повесили в платье, с той же блаженной улыбкой на лице. Оплакивала её вся улица.

И случилось невероятное: ночью тело Жени из петли исчезло! Это был первый случай за всё время господства фашистов. Кто это сделал и где обрела свой вечный покой эта изумительная девочка – никто так и не узнал.

Немцы вывозили с Украины всё, что можно увезти: вся рампа железнодорожной станции, все пакгаузы были заставлены огромными металлическими сундуками, которые очень будоражили наше детское воображение. Каково же было наше изумление, когда нам удалось поднять крышки некоторых из сундуков! В них находились спрессованные человеческие волосы и детская обувь. Как я теперь понимаю, это были трофеи после расстрела евреев нашего города.

В товарных вагонах немцы гнали на запад выпеченный хлеб. На платформах, открытых брезентом, вывозили сахарный песок и зерно. Тщательно изучив расписание дежурств охранников,